

**СОВЫ ОХОТЯТСЯ
НОЧЬЮ**

Айос-Николаос, Крит

«Полидорус» — очаровательный семейный отель, расположенный в нескольких шагах от оживленного городка Айос-Николаос, в часе езды от Ираклиона. Номера ежедневно убираются, все они оснащены вайфаем и кондиционером, из части комнат открывается вид на море. Кофе и домашняя еда подаются на уютных террасах. Заходите на нашу веб-страничку или ищите нас на booking.com.

Вы не представляете, сколько времени мне пришлось потратить на составление этого текста. Меня тревожило такое скопление прилагательных. Подходит ли эпитет «оживленный» для характеристики Айос-Николаоса? Я сперва хотела было использовать выражение «жизнь бьет ключом», но потом решила, что это намекает на беспрестанное движение машин и шум, которые, кстати, являются неотъемлемой частью существования в этом городе. На самом деле от нас до центра пятнадцать минут ходьбы. Можно ли описать это расстояние как «в нескольких шагах»? Не стоило ли упомянуть расположенный по соседству пляж Амуди?

Вот ведь забавно: почти всю свою жизнь я проработала редактором и никогда не испытывала затруднений в обращении с рукописями писателей, а как понадобилось сочинить рекламное объявление в несколько строчек для обратной стороны открытки, так корпела над каждой буквой. В итоге я показала текст Андреасу, который прочитал его за пять секунд, а потом просто хмыкнул и кивнул, что, с учетом затраченных мною трудов, меня одновременно порадовало и взбесило. Есть в ха-

рактуре у греков одна черта. Люди это невероятно эмоциональные. Их драматургия, поэзия и музыка, что называется, достают прямо до сердца. Но когда доходит до повседневных дел, неизбежных мелких деталей, они занимают позицию «*sigma sigma*», что в приблизительном переводе означает: «Да какая, к черту, разница?» Эту фразу я слышу каждый день.

Пока я, с сигаретой и чашкой крепкого черного кофе, перечитывала написанное, в голове у меня крутились две мысли. Во-первых, мы собирались разместить открытки на стойке рядом со столом администратора, но раз их смогут взять только туристы, уже приехавшие в отель, то какой прок от подобной рекламы? Вторая мысль была неотвязной и давно уже не давала мне покоя: а какого дьявола я вообще здесь торчу? Как докатилась до такой жизни?

Всего за два года до своего пятидесятилетнего юбилея — а к этому возрасту, как я полагала, мне предстоит наслаждаться всеми благами, доступными тому, кто имеет умеренный, но стабильный доход, удобствами маленькой лондонской квартиры и насыщенной общественной жизнью — я вдруг оказалась совладелецей и управляющей отелем, который в действительности куда более уютен, чем мне удалось его описать. «Поллидорус» стоит прямо на берегу Эгейского моря, две его террасы укрыты в тени зонтиков и кипарисов. У нас имеется всего двенадцать номеров, которые обслуживал персонал из числа местной молодежи, не теряющей оптимизма даже во время самых страшных запарок. Простая, но вкусная еда, пиво «Мифос», собственный музыкант, а про красивейшие пейзажи я уж и не говорю. У нас есть свои преданные клиенты. Мы не делаем ставку на тех гостей, что приезжают в одном из гигантских автобусов, которые я видела ползущими по не рассчитанным на них дорогам в направлении шестиэтажных громад на противоположном берегу бухты.

Есть у нас, разумеется, и свои недостатки: скверная проводка, вечные проблемы с канализацией и нестабильный вайфай. Не хочу тиражировать стереотип про ленивых греков, и, быть может, это просто мне не повезло, но эпитет «надежный» едва

ли применим к людям, которые на нас работают. Панос превосходный повар, но стоит ему поссориться с женой, детьми или мотоциклом, как он уходит в очередной загул, и Андреас принимает вахту на кухне, оставляя меня управляться в баре и в ресторане, который загадочным образом оказывается полон, когда у нас не хватает официантов, и наполовину пуст, когда мы набираем их слишком много. Достичь золотой середины, увы, так и не удалось. Всегда существовала гипотетическая возможность, что поставщик продуктов придет вовремя, но с нашими заказами этого почему-то не произошло ни разу. Если что-то ломалось, а это случалось постоянно, нам предстояли часы напряженного ожидания, когда же наконец соизволит явиться мастер или представитель фирмы.

По большей части гости наши казались довольными. Но нам приходилось метаться, словно актерам в безумном французском фарсе, создавая впечатление, что все в полном ажуре. К тому времени, когда я падала на кровать (а это зачастую бывало в час или в два ночи), я ощущала такую усталость, что представляла себя высушенной и завернутой в пелены египетской мумией. В подобные мгновения я чувствовала себя хуже всего и засыпала с ужасной мыслью, что едва открою утром глаза, как все это сумасшествие начнется снова.

Пожалуй, я впадаю в излишний пессимизм. Разумеется, были у нашей жизни здесь и чудесные стороны. Никакие закаты в мире не сравнятся с эгейскими, и я каждый вечер любовалась ими, замирая от восторга. Неудивительно, что греки верили в богов: в Гелиоса на золотой колеснице, едущего по этому бескрайнему небу за Ласифианские горы, подернутые тончайшей дымкой, сначала розовой, а потом розовато-лиловой, темной и бледной одновременно. Каждое утро ровно в семь я купалась, смывая в кристально чистой морской воде следы излишков вина и сигаретного дыма. Были ужины в маленьких тавернах в Фурни и Лимнесе: аромат жасмина, сияющие над головой звезды, веселый смех и звон стаканов с ракией. Я даже начала учить греческий, занимаясь по три часа в неделю с девушкой, достаточно юной, чтобы годиться мне в дочери.

Она успешно вбивала мне в голову ударные слоги и глаголы, бывшие не просто неправильными, но откровенно неприличными, причем умудрялась делать это легко и весело.

Но это был для меня вовсе не отпуск. Я перебралась в Грецию после того, как детективный роман «Английские сорочки убийства» обернулся настоящей катастрофой¹. То была последняя книга, над которой мне довелось работать, и связанные с нею события привели к смерти ее автора, краху издательства и концу моей собственной карьеры. Именно в такой последовательности. В общей сложности мы опубликовали девять романов о частном сыщике Аттикусе Пюнде; все они стали бестселлерами, и я полагала, что серия продолжится. Но внезапно все закончилось. В результате я начала новую жизнь, и, признаться честно, чересчур значительную ее часть составляла тяжелая работа.

Это неизбежно сказалось на моих отношениях с Андреасом. Мы не ссорились, это не в наших характерах, но выработали форму общения, которая настораживала все сильнее. Мы кружили, как два боксера, не желающие вступать в схватку. Сказать по совести, сцепись мы по-настоящему, это могло бы пойти нам обоим на пользу. Мы же ухитрились сползти на этот ужасный ринг, так хорошо знакомый давно женатым парам, где оставшееся невысказанным ранит куда больнее, чем обидные слова. Отношения мы, кстати сказать, так и не оформили. Андреас сделал мне предложение, все чин по чину: преподнес колечко с бриллиантом, стоя на одном колене. Но у нас оказалось слишком много дел, чтобы обвенчаться, к тому же я еще недостаточно хорошо знала греческий, чтобы понять слова службы. Мы решили подождать.

Взятая пауза не пошла нам на пользу. В Лондоне Андреас всегда был моим лучшим другом. Возможно, так получалось потому, что мы не жили вместе, и я всегда ждала встречи с ним. Мы читали одни книги. Любили поесть... особенно когда Андреас готовил. Секс у нас был просто шикарный. Но Крит вовлек нас в отношения совсем другого сорта, и, хотя после на-

¹ См. роман «Сороки-убийцы».

шего отъезда из Соединенного Королевства прошла всего пара лет, я уже подумывала о том, как бы сбежать обратно, хотя и не приступала до поры до времени к деятельным поискам конкретного способа.

А потом вмешалась сама судьба и подкинула мне шанс. Путь к побегу открылся однажды утром в понедельник, с появлением солидно выглядевшей семейной пары, явно англичан. Эти двое спускались под руку по склону с главной дороги. Я с первого взгляда поняла, что это люди обеспеченные и приехали они сюда не ради отдыха на море. На мужчине были длинные брюки и куртка — что странно для утренней жары, — рубашка поло и панама. Наряд женщины подходил скорее для теннисного матча, чем для пляжа; на шее у нее красовалось дорогое ожерелье, а в руках она держала аккуратную сумочку. На обоих были дорогие солнечные очки. Им, по моим прикидкам, перевалило за шестьдесят.

Мужчина вошел в бар и расстыковался с супругой. Я поймала на себе его изучающий взгляд.

— Прошу прощения, — проговорил он хорошо поставленным голосом. — Вы говорите по-английски?

— Да.

— Не хочу быть невежливым... но вы, случайно, не Сьюзен Райленд?

— Да, это я.

— Позвольте спросить, нельзя ли переговорить с вами, мисс Райленд? Меня зовут Лоуренс Трехерн. А это моя жена Полин.

— Здравствуйте. — Полин Трехерн улыбнулась вежливо, но не дружелюбно. Эта женщина явно не доверяла мне и даже избегала встречаться со мной взглядом.

— Можно предложить вам кофе? — Я задала вопрос осторожно. Я не предлагала посетителям его купить. Не хотелось создавать впечатление, будто я корыстна, но одна мысль не давала мне покоя. Я продала квартиру в Северном Лондоне и ухнула в «Полидорус» большую часть своих сбережений, однако прибыли покуда не получила. Совсем наоборот: хотя мы с Андреасом — тут я была уверена — делали все правильно, но каким-

то образом сумели накопить почти десять тысяч евро долга. Наши финансы таяли, и иногда мне казалось, что грань, которая отделяет нас от банкротства, столь же тонкая, как и слой пены на свеже сваренном капучино.

— Нет, спасибо, мы к вам по делу.

Я проводила посетителей за один из столиков в баре. На террасе было уже людно, но Вангелис, исполнявший роль официанта, когда не играл на гитаре, справлялся отлично, да и жара пока еще ощущалась не так сильно.

— Так чем я могу вам помочь, мистер Трехерн?

— Можете обращаться ко мне просто Лоуренс. — Он снял головной убор, обнажив редующие седые волосы и макушку, ухитрившуюся загореть на солнце, и положил панаму перед собой. — Надеюсь, вы простите, что мы без приглашения. У нас есть общий друг, Саджид Хан. Он передает вам привет, кстати.

Саджид Хан? Мне потребовалось какое-то время, чтобы вспомнить поверенного из городка Фрамлингом в Суффолке. Он был другом Алана Конвея, автора «Английских сорочьих убийств». Когда Алан умер, именно Саджид Хан обнаружил тело. Но я встречалась с этим адвокатом всего пару раз. И едва ли стала бы называть его приятелем или даже хорошим знакомым.

— Вы живете в Суффолке? — спросила я.

— Да. Мы владеем гостиницей близ Вудбриджа. Мистер Хан пару раз оказывал нам услуги. — Лоуренс помедлил, вдруг смутившись. — Я обсуждал с ним на прошлой неделе один непростой вопрос, и он посоветовал поговорить с вами.

Меня удивило, откуда Хан узнал, что я на Крите. Видимо, кто-то ему сообщил, поскольку сама я абсолютно точно этого не делала.

— Вы приехали в такую даль, чтобы поговорить со мной? — поинтересовалась я.

— На самом деле это не так уж далеко, да и к тому же мы все равно путешествовали. Мы остановились в «Минос-Бич». — Он указал на отель, расположенный на противоположной стороне теннисного корта, справа от нашего.

Это подтвердило мое первое впечатление о достатке Трехернов. «Минос-Бич» представлял собой бутик-отель с частными виллами и садом, полным скульптур. Ночь там стоила около трехсот фунтов.

— Я хотел было вам позвонить, — продолжил Лоуренс, — но это дело не из тех, которые стоит обсуждать по телефону.

С каждой минутой разговор становился все более загадочным, и, если честно, меня это настораживало. Четырехчасовой перелет из Лондона, потом еще час езды от Ираклиона. Поездку сюда простой прогулкой не назовешь.

— Так что у вас за дело? — осведомилась я.

— Это связано с убийством.

Последнее слово на мгновение повисло в воздухе. С другой стороны террасы сияло солнце. Стайка местных ребятишек весело смеялась и кричала, плескаясь в водах Эгейского моря. Семьи сидели за столиками. Я смотрела, как Вангелис проходит со стаканами апельсинового сока и кофе со льдом на подносе.

— А кого убили? — задала я вопрос.

— Человека по имени Фрэнк Пэррис. Вы едва ли слышали о нем, но можете знать название отеля, где произошло убийство. Он называется «Бранлоу-Холл».

— И принадлежит вам?

— Да, так и есть. — Ответ дала Полин Трехерн, заговорив в первый раз за все время нашей беседы. Выражалась она с достоинством коронованной особы и, прежде чем произнести каждое слово, словно бы вырезала его ножницами из остальной фразы. Тем не менее у меня создалось впечатление, что эта женщина принадлежит к среднему классу, наравне со мной.

— Он снял номер на три ночи, — сказал Лоуренс. — И на вторую был убит.

Рой самых разных вопросов кружился у меня в голове. Кто такой Фрэнк Пэррис? Кто его убил? При чем тут я? Но задавать их я не стала. А вместо этого спросила:

— Когда это случилось?

— Примерно восемь лет назад, — пояснил Лоуренс Трехерн.

Полин положила сумочку-клатч на стол рядом с панамой, как если бы это был некий оговоренный заранее знак, что пришел ее черед. Присутствовало в этой даме нечто такое — ее молчаливость, скудость эмоций, — наводившее меня на мысль, что именно она принимает важные решения. Солнечные очки у миссис Трехерн были такие темные, что, когда она обратилась ко мне, я почти впала в транс, наблюдая за двумя отражениями внимательно слушающей себя.

— Вероятно, будет лучше, если я расскажу все с самого начала, — произнесла она в своей сухой манере. — Тогда вам станет понятно, почему мы здесь. Надеюсь, у вас найдется свободное время?

Меня ждало полсотни неотложных дел. Однако я любезно сказала:

— Да, сколько угодно.

— Благодарю вас. — Она собралась с мыслями, а потом начала: — Фрэнк Пэррис работал в рекламном бизнесе. Он только что вернулся в Англию из Австралии, где прожил несколько лет. Его жестоко убили в гостиничном номере в ночь на пятнадцатое июня две тысячи восьмого года. Эта дата навсегда врезалась мне в память, потому как она совпала со свадебным уик-эндом нашей дочери Сесили¹.

— Этот человек был в числе приглашенных?

— Нет. Мы никогда раньше с ним не встречались. Под свадьбу мы зарезервировали около дюжины номеров. Пригласили только близких: родственников и друзей. В отеле в общей сложности тридцать два номера, и мы решили, вопреки моему разумному мнению — муж, увы, со мной не согласился, — остаться открытыми для прочих посетителей. Мистер Пэррис приехал в Суффолк навестить родных. Снял номер на трое суток. Его убили поздно ночью в пятницу, но тело было обнаружено только в субботу, во второй половине дня.

— Уже после того, как молодые расписались, — пробормотал Лоуренс Трехерн.

¹ Здесь и далее дни недели соответствуют авторскому тексту. — *Примеч. ред.*

— Как его убили?

— Ударили несколько раз молотком. Лицо было ужасно обезображено, и, если бы не бумажник и паспорт, найденные в сейфе, полиция не смогла бы опознать погибшего.

— Сесили была жутко расстроена, — вставил Лоуренс.

— Да, как и мы все. Такой чудесный был день. Сначала церемония бракосочетания в саду, потом обед на сто персон. Погода стояла как по заказу. И все это время мы даже не догадывались, что в комнате наверху, практически над свадебным шатром, лежит в луже крови убитый человек. Сесили и Эйдену пришлось отложить медовый месяц, — добавила Полин, и голос ее, даже спустя столько лет, задрожал от возмущения. — Полицейские запретили им уезжать. Сказали, что об этом не может быть и речи, хотя было очевидно, что молодожены не имеют никакого отношения к убийству.

— Эйден — это муж Сесили?

— Да. Эйден Макнейл. Наш зять. Молодые собирались поехать в воскресенье утром на Антигуа, но в итоге прошло две недели, прежде чем им это разрешили, а ведь полиция практически сразу арестовала убийцу, так что задерживать их так долго не было никакой необходимости.

— Так полицейские знали, кто это сделал?

— О да. Это было ясно с самого начала, — пояснил Лоуренс. — Убийцей оказался один из наших сотрудников, румынский иммигрант по имени Штефан Кодреску. Он был разнорабочим и жил в отеле. У него имелось преступное прошлое — мы знали об этом, когда нанимали парня. Мне стыдно признаться, но именно поэтому мы его, собственно, и взяли. — Рассказчик потупил глаза. — Мы с женой участвовали в программе по реабилитации юных правонарушителей, в рамках которой их после освобождения пристраивают на работу. Мы искренне верили в тюремную реформу и давали юношам и девушкам второй шанс: брали их на кухню, убирать комнаты или следить за садом. Вам наверняка известно, что процент рецидива среди тех, кто отбыл заключение, астрономически высок. Так происходит потому, что у этих людей нет возможности сно-

ва вернуться к полноценной жизни. Мы тесно взаимодействовали со службой пробации, и там нас заверили, что Штефан подходит по всем критериям. — Трехерн тяжело вздохнул. — Увы, эти люди ошиблись.

— Сесили верила в него, — сказала Полин.

— Она была с ним знакома?

— У нас две дочери, и обе помогают нам в отеле. Когда это произошло, Сесили была управляющей. Собственно говоря, это она проводила собеседование со Штефаном и взяла его на службу.

— Ваша дочь играла свадьбу в том самом отеле, где работала?

— Именно. Это семейный бизнес. Наш персонал — часть нашей семьи. Сесили даже мысли не допускала, чтобы торжество состоялось еще где-то, — заявила Полин.

— И ваша дочь считала Штефана невиновным?

— Поначалу да. И настаивала на этом. В этом-то и беда с Сесили. Она всегда была слишком доброй, доверчивой — такие люди склонны видеть в каждом человеке лучшие стороны. Но улики против Штефана оказались просто сокрушительными. Не знаю даже, с чего начать. Отпечатков пальцев на молотке не обнаружили — их стерли начисто. Но брызги крови нашли на его одежде и на деньгах, взятых у убитого, — они были спрятаны у Штефана под матрасом. Его видели входящим в номер Фрэнка Пэрриса. Да и в любом случае он сознался. Когда это произошло, даже Сесили признала свою ошибку, и на этом все закончилось. Она улетела с Эйденом на Антигуа. Отель постепенно вернулся к нормальной жизни, хотя заняло это много, очень много времени, а в номере двенадцать никто с тех пор не живет. Мы используем его как кладовку. Как я уже сказала, все это случилось давно и, как нам казалось, осталось далеко в прошлом. Но получается, что это не так.

— И что же произошло? — спросила я, заинтригованная вопреки самой себе.

Эстафета перешла к Лоуренсу.

— Штефана приговорили к пожизненному заключению, и он сейчас за решеткой. Сесили писала ему пару раз, но он не ответил, и мы решили, что она про него забыла. Дочь казалась совершенно счастливой, занимаясь делами отеля и, разумеется, погружившись в семейную жизнь с Эйденем. Когда они поженились, ей было двадцать шесть. Она на два года старше мужа. Сесили через несколько месяцев исполняется тридцать четыре.

— Дети у них есть?

— Да. Маленькая девочка. Впрочем, ей теперь уже семь...
Роксана.

— Наша первая внучка. — Голос изменил Полин. — Милое дитя. Все, о чем мы могли мечтать.

— Мы с Полин наполовину отошли от дел, — продолжил Лоуренс. — У нас дом в Йере на юге Франции, и мы подолгу живем там. Короче говоря, несколько дней назад позвонила Сесили. Трубку взял я. Было примерно часа два, по французскому времени. Я сразу понял, что дочь была сильно расстроена. Более того, она волновалась. Затрудняюсь сказать, откуда она звонила, но это был вторник, так что, скорее всего, из отеля. Обычно мы некоторое время просто болтаем, но в тот раз Сесили перешла прямо к делу. Сказала, что много размышляла о случившемся...

— Об убийстве?

— Именно. Она заявила, что с самого начала была права и Штефан Кодреску невиновен в преступлении. Я спросил, с чего она так решила, и Сесили ответила, что наткнулась кое на что в одном романе, который ей дали почитать. «Разгадка была там, прямо у меня перед глазами» — это точные ее слова. Потом дочь добавила, что послала книгу мне, и действительно, уже на следующий день я ее получил.

Он полез за карман куртки и достал издание в мягкой обложке. Я сразу узнала его: картинка, шрифт, название. И с этой секунды беседа наша начала обретать смысл.

Это был роман «Аттикус Пюнд берется за дело», третья книга серии, которую сочинял Алан Конвей, а я редактирова-

ла для издательства «Клоуверлиф букс». Я сразу припомнила, что действие там по большей части развивается в отеле, но в графстве Девон, а не в Суффолке, и происходит в 1953 году, а не в наши дни. В памяти всплыл званый вечер в германском посольстве в Лондоне. Алан тогда еще выпил лишнего и оскорбил посла.

— Конвей знал про убийство? — осведомилась я.

— О да. Спустя шесть недель после трагедии Алан Конвей приезжал в отель и прожил там несколько дней. Мы оба встречали его. Он сказал, что был другом жертвы, Фрэнка Пэрриса, и задал нам кучу вопросов про убийство. И с персоналом тоже разговаривал. У нас даже мысли не было, что он собирается обратить всю эту историю в развлечение. Будь Конвей с нами откровенен, мы бы вели себя более осмотрительно.

Именно поэтому он и слукавил, подумалось мне.

— Книгу вы прежде не читали? — уточнила я.

— Мы напрочь забыли о его визите, — признал Лоуренс. — К тому же мистер Конвей предусмотрительно не выслал нам экземпляр. — Он помедлил. — Но потом Сесили прочла роман и обнаружила там нечто такое, что проливает новый свет на случившееся в «Бранлоу-Холле»... По меньшей мере так ей показалось. — Трехерн посмотрел на жену, как бы ища поддержки. — Мы с Полин тоже прочитали книгу, однако не нашли никакой связи с реальными событиями.

— Совпадения есть, — признала Полин. — Во-первых, все персонажи узнаваемы и явно списаны с людей, которых мистер Конвей встречал в Вудбридже. Даже имена те же самые... или очень похожие. Вот только мне кажется, что ему нравилось искажать образы людей так, что они становились ужасной карикатурой на самих себя. Например, прототипами владельцев «Мунфлауэра», отеля из книги, очевидно, являемся мы с Лоуренсом. Но они оба мошенники. Зачем ему это понадобилось? Мы в жизни не совершали бесчестных поступков.

Полин была скорее возмущена, чем взволнована, и посмотрела на меня так, словно это я во всем виновата.

— Отвечая на ваш вопрос, скажу: мы понятия не имели, что книга вообще опубликована, — продолжил Лоуренс. — Сам

я не поклонник детективов. Да и никто у нас в семье их не читает. Саджид Хан сказал, что мистера Конвея уже нет в живых. Может, это и к лучшему, потому как нас очень сильно подмывало выдвинуть против него иск.

— Так. Давайте перейдем к делу, — произнесла я. У меня создавалось странное ощущение: факты громоздились друг на друга, но при этом я чувствовала, что супруги чего-то недоговаривают. — Вы допускаете, что вопреки уликам, не говоря уже о признании вины, Штефан Кодреску на самом деле не убивал Фрэнка Пэрриса, а Алан Конвей, посетив ваш отель, за считанные дни сумел выяснить, кто настоящий преступник. А потом неким образом указал на этого человека в своем романе «Аттикус Пюнд берется за дело».

— Точно.

— Но, Полин, это лишено смысла. Если бы Алан знал имя убийцы и понимал, что невиновный томится в тюрьме, он наверняка пошел бы в полицию! С какой стати ему зашифровывать истину в художественном произведении? Кто сумеет ее там отыскать?

— Именно поэтому мы здесь, Сьюзен. По словам Саджида Хана, вы знали Алана Конвея лучше, чем кто-либо другой. Вы редактировали эту книгу. Если в ней и впрямь что-то спрятано, то кто это найдет, если не вы?

— Минуточку. — Наконец я поняла, где нестыковка. — Все началось, когда ваша дочь заметила что-то в тексте романа. Она первой прочла «Аттикус Пюнд берется за дело», а затем послала книгу вам. Так?

— Да. — Полин кивнула. — Но мы не знаем, что именно Сесили обнаружила.

— Так почему бы вам просто не позвонить ей и не спросить, о чем идет речь?

Ответ на мой вопрос дал Лоуренс Трехерн:

— Разумеется, мы звонили ей. Мы оба прочли книгу, а потом несколько раз звонили дочери из Франции. Наконец трубку взял Эйден и сообщил нам, что случилось. — Он помедлил. — Дело в том, что Сесили пропала.

Отъезд

Тем вечером я сорвалась на Андреаса. Честное слово, я не собиралась, но день принес столько неудач, одну за другой, что мне захотелось наорать либо на луну, либо на него, а он попросту оказался ближе.

Началось с того, что милая семейная пара, Брюс и Бренда из Маклсфилда, оказалась в итоге не такой уж милой. Эти двое потребовали предоставить им пятидесятипроцентную скидку по счету, иначе они разместят на сайте TripAdvisor весь перечень претензий, накопившихся с самого дня заезда, и тогда, заверили они, к нашему отелю и близко никто не подойдет. И что же это оказались за жалобы? Целый час не работал вайфай. Ночью кто-то играл на гитаре. Замечен одинокий таракан. Сильнее всего меня бесило, что Брюс и Бренда жаловались каждое утро, с неизменными кислыми улыбочками, и я с самого начала понимала, что они намерены выкинуть фокус. У меня появилась встроенная антенна, при помощи которой я безошибочно определяла туристов, включающих вымогательство в свои планы на отдых. Вы удивитесь, узнав, как их много.

Панос в тот день не вышел на работу. Вангелис опоздал. Компьютер Андреаса глюканул — а я ведь давно просила его посмотреть — и ухитрился отправить в спам запросы на бронирование двух номеров. Когда мы это обнаружили, клиенты уже заказали комнаты в другом месте. Перед сном мы пропустили по стаканчику «Метаксы», местного бренди, единственного достойного в Греции, но настроение у меня не улучшилось, и, когда Андреас спросил меня, что не так, я наконец не выдержала.

— Что не так? Да все, черт побери! Какого хрена вообще спрашивать, неужели не ясно?!

Я, вообще-то, не употребляю крепких выражений... по крайней мере, в адрес людей, которые мне нравятся. Лежа в постели и глядя на раздевающегося Андреаса, я злилась на себя. Я испытывала весьма противоречивые чувства: мне хотелось обвинить Андреаса во всем, что случилось с момента моего приезда на Крит, но в то же время я терзалась угрызениями совести за то, что подвела его. Однако хуже всего было ощущение беспомощности: события текли своим чередом, и я плыла по течению, а не направляла его. Неужели я осознанно выбрала жизнь, где совершенно чужие люди имеют право унижить меня из-за пары евро и где все мое благосостояние рухнет из-за сорвавшейся брони?

В этот миг я поняла, что должна вернуться в Англию и что на самом деле я уже некоторое время хотела этого, даже если и пыталась убедить себя в обратном.

Андреас почистил зубы и вернулся из ванной голым, как-ким всегда ложился в постель, напоминая одну из тех фигур — эфеба, а быть может, сатира, — которые можно увидеть на античных вазах. Мне подумалось, что за пару минувших лет он стал в большей степени греком, чем раньше. Его черная шевелюра сделалась чуть более косматой, глаза немного потемнели, а в манерах появилась некая вальяжность, какой я не замечала в бытность Андреаса преподавателем в Вестминстерской школе. Он также прибавил в весе, хотя, возможно, его животик, не замаскированный пиджаком, просто стал чаще попадаться мне на глаза. Меня по-прежнему влекло к нему. Но при этом мне вдруг захотелось с ним расстаться.

Я выждала, когда Андреас уляжется. Спали мы под одной простыней, с открытыми окнами. Комары в такой близости от моря почти не водились, и я предпочитала ночную свежесть искусственно охлажденному воздуху из кондиционера.

— Андреас... — начала я.

— Чего?

Если бы я не помешала, он бы заснул через несколько секунд. Голос у него уже был сонный.

— Я хочу вернуться в Англию.

— Что? — Он повернулся и приподнялся на локте. — Зачем?

— У меня там есть одно дело.

— В Лондоне?

— Нет. Я поеду в Суффолк. — (Он смотрел на меня в упор, и лицо его приняло крайне озабоченное выражение.) — Это ненадолго, — сказала я. — Всего на пару недель.

— Но, Сьюзен, ты необходима здесь, в отеле.

— Нам нужны деньги, Андреас. Мы не сможем платить по счетам, если не раздобудем дополнительные финансы. А мне за эту работу предлагают большую сумму. Десять тысяч фунтов. Наличными!

Это была правда.

Поведав мне про убийство в отеле, Трехерны принялись рассказывать об исчезновении дочери.

— Это очень не похоже на Сесили — уйти, никому ничего не сказав, — заметил Лоуренс. — Тем более бросив малышку...

— Кто присматривает за ребенком? — спросила я.

— Эйден. И еще есть няня.

— Это не просто «не похоже на нее». — Полин одарила мужа испепеляющим взглядом. — Сесили в жизни не совершала ничего подобного и уж тем более не бросила бы Роксану на произвол судьбы. — Она обратилась ко мне: — Если сказать по правде, Сьюзен, мы безумно тревожимся. И хотя Лоуренс может не согласиться, я убеждена, что исчезновение как-то связано с этой книгой.

— Я согласен, — буркнул Лоуренс.

— А кто-нибудь еще был в курсе ее забот? — задала я вопрос.

— Я уже говорил, что Сесили звонила нам из «Бранлоу-Холла», а значит, любой из персонала мог подслушать ее.

— Я имею в виду, делилась ли она с кем-то своими подзрениями?

Полин Трехерн покачала головой:

— Мы несколько раз пытались связаться с ней из Франции, но так и не смогли. И тогда набрали Эйдена. Он нам не звонил, не желая волновать, но, как выяснилось, обратился в полицию в тот самый день, когда Сесили пропала. К сожалению, полицейские не приняли его заявление всерьез... По крайней мере, сначала. Они предположили, что это могло стать результатом ссоры между супругами.

— А у них были проблемы в семейной жизни?

— Никаких, — ответил Лоуренс. — Они всегда жили душа в душу. Полицейские допросили Элоизу — это няня, — и она сказала то же самое. Она никогда не слышала, чтобы Сесили с мужем ссорились.

— Эйден — идеальный зять. Умный и трудолюбивый. Нам остается только желать, чтобы Лиза — это вторая наша дочь — нашла кого-то вроде него. И он переживает не меньше нашего!

Всякий раз, когда Полин обращалась ко мне, у меня создавалось впечатление, будто она борется с чем-то. Неожиданно она достала пачку сигарет и закурила. Полин курила жадно, как человек, только что дорвавшийся до табака после долгого воздержания.

Сделав затяжку, моя собеседница продолжила:

— Ко времени нашего возвращения в Англию полицейские соизволили наконец-то проявить интерес. Но проку от них оказалось не так уж много. Сесили отправилась выгулять пса. У нее есть косматый золотистый ретривер по кличке Медведь. Мы всегда держали собак. Из отеля она уехала в три часа пополудни и припарковала машину у станции Вудбридж. Дочь часто гуляла по тропе у реки, я имею в виду реку Дебен. Есть там круговая тропа, идущая вдоль берега, и в самом начале она довольно оживленная. Но затем дорожка становится шире и безлюднее, потом вы проходите по ней через лес и на

другой его стороне попадаете на дорогу, ведущую обратно через деревню Мартлшем.

— Значит, если кто-то на нее напал...

— В Суффолке такого не бывает. Но вы правы, там есть достаточно мест, где Сесили могла оказаться совершенно одна и ее никто видел. — Полин вздохнула и продолжила: — Эйден встревожился, когда жена не вернулась домой к ужину, и вполне резонно позвонил в полицию. Приехали два офицера в форме, задали несколько вопросов, но тревогу подняли только на следующее утро, когда, разумеется, было уже поздно. Причиной послужило то, что объявился Медведь — он один прибежал на станцию, и тогда к делу стали относиться с большей серьезностью. С помощью служебных собак полицейские прочесали местность от Мартлшема до самого Мелтона. Никакого прока. Там сплошь поля, леса, илестые болота... Предостаточно мест, где можно спрятаться. Они ничего не нашли.

— Сколько времени прошло с ее исчезновения? — спросила я.

— В последний раз Сесили видели в прошлую среду.

Я уловила, как опустилась тишина. Пять дней. Долгий период, настоящая пропасть, в которую провалилась Сесили.

— Вы проделали длинный путь, чтобы найти меня, — произнесла я наконец. — Чего же именно вы от меня хотите?

Полин посмотрела на мужа.

— Ответ содержится в этой книге, — сказал он. — В романе «Аттикус Пюнд берется за дело». Вы знаете его лучше, чем кто-либо другой.

— Следует заметить, прошло уже несколько лет с тех пор, как я его читала, — призналась я.

— Вы сотрудничали с автором, этим самым Аланом Конвеем. Вам известно, как работал его ум. Если мы попросим перечитать роман, вы наверняка сможете заметить вещи, на которые не обратили внимания прежде. А если вы приедете в «Бранлоу-Холл» и прочтете книгу, так сказать, прямо на месте действия, вероятно, обнаружите то, что уловила Сесили и что по-

будило ее позвонить нам. И это, в свою очередь, поможет выяснить, что случилось с нашей дочерью.

Когда Лоуренс произносил последние слова, «что случилось с нашей дочерью», голос изменил ему. Могла существовать какая-нибудь совершенно простая и банальная причина ее исчезновения, но это было маловероятно. Сесили что-то знала. Она представляла для кого-то угрозу. Эту мысль лучше было не озвучивать.

— Вы разрешите? — спросила я и позаимствовала у Полин Трехерн сигарету.

Моя пачка осталась за стойкой бара. Полноценный ритуал: вытащить сигарету, прикурить, сделать первую затяжку — давал мне время подумать.

— Я не могу поехать в Англию, — сказала я наконец. — Боюсь, у меня тут слишком много забот. Но книгу я прочитаю, если вы не против оставить мне свой экземпляр. Не обещаю, что мне на ум и впрямь придет что-то дельное. Я имею в виду, что помню сюжет, и он не вполне сходен с тем, что вы мне рассказали. Но я могу сообщить вам свои соображения по электронной почте...

— Нет. Так не пойдет. — Полин уже приняла решение. — Вам нужно переговорить с Эйденом и Лизой. И с Элоизой, раз уж на то пошло. И встретиться с Дерекком, ночным администратором. Он дежурил в ту ночь, когда убили Фрэнка Пэрри-са, и его допрашивал следователь. Он тоже фигурирует в книге Алана Конвея, хотя там его обозвали Эриком. — Женщина просительно наклонилась ко мне. — Мы не отнимем у вас много времени.

— И мы хорошо вам заплатим, — добавил Лоуренс. — Денег у нас достаточно, и мы не поскупимся, если это поможет найти нашу дочь. — Он помедлил. — Скажем, десять тысяч фунтов?

Услышав это заявление, Полин недовольно покосилась на мужа, и мне подумалось, что тот без согласия супруги значительно увеличил, быть может, даже удвоил ту сумму, какую

они собирались предложить мне изначально. Вот чего я доби-
лась своими отговорками. Мне показалось на миг, что у Полин
готово сорваться с языка возражение, но потом она смирилась
и кивнула.

Десять тысяч фунтов. Я подумала, что давно пора заново
оштукатурить балкон. Приобрести Андреасу новый компью-
тер. И заменить холодильник для мороженого, который уже
дышит на ладан. А также вспомнила бесконечные сетования
Паноса и Вангелиса насчет повышения зарплаты.

— Ну разве я могла отказаться? — так я сказала Андреа-
су в нашей спальне поздно ночью. — Нам нужны деньги, да
и, кроме того, может, мне и удастся помочь этим людям в по-
исках дочери.

— Думаешь, Сесили еще жива?

— Вполне возможно. Но даже если и нет, быть может, я смо-
гу выяснить, кто ее убил.

Андреас сел. Он целиком стряхнул сон и явно встревожил-
ся за меня. Я почувствовала себя виноватой за доставленное
ему беспокойство.

— Сюзен, когда ты в прошлый раз отправилась на поиски
убийцы, это закончилось не слишком удачно, — напомнил он.

— Сейчас дело обстоит иначе. Эта история не имеет ника-
кого отношения ко мне лично.

— Что служит лишним доводом не лезть в нее.

— Возможно, ты прав. Но...

Я приняла решение, и Андреас это знал.

— К тому же мне по-любому требуется передышка, — за-
явила я. — Уже два года прошло, Андреас, и, за исключением
выходных на Санторини, мы нигде не были. Я совершенно
вымоталась: постоянно приходится тушить пожар, без конца
крутиться, чтобы все работало. Думаю, ты меня понимаешь.

— Ты хочешь передохнуть от отеля или от меня? — спро-
сил он.

Я не была уверена, что знаю ответ на этот вопрос.